
**БИОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ
ГЕНЕТИКИ И ГЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖИЗНЬ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹**

ЧЕШКО Валентин Федорович, доктор философских наук, кандидат биологических наук, профессор кафедры генетики и цитологии, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

КУЛИНИЧЕНКО Валентин Леонидович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Киевская медицинская академия последипломного образования им. П.Л. Щупика

С возникновением человеческого общества началось сопряженное развитие – коэволюция в предельно широком значении этого термина (“биологического” по происхождению и “универсального по воплощению” в системе современного мышления)², и сформировался сложный 3-х компонентный процесс взаимозависимых изменений во времени элементов биологической и социально-культурной природы:

(а) биологическая коэволюция структурных элементов экосистем, в совокупности образующих биосферу;

(b) генно-культурная коэволюция, обеспечивающая согласованность биологической и социокультурной подсистем;

(с) и, наконец, коэволюция отдельных элементов социума, предопределяющая их объединение в единую социосферу.

Одна из принципиальных закономерностей этого процесса проявляется как тенденция возрастания автономии биологической и социальной составляющих, при определяющем значении последней. В результате, на исходе XX века возникает ситуация, которую известный украинский генетик, академик В.А. Кордюм³ охарактеризовал как первый ноосферный кризис: гомеостатические механизмы биосферы, сформировавшиеся в ходе биологической фазы коэволюции, уже не обеспечивают ее стабильности и канализованный характер дальнейшего развития. В настоящее время аналогичные (соответствующие биологическим) коэволюционные изменения в социосфере выражены недостаточно сильно.

Таким образом, социокультурная коэволюция — процесс взаимной адаптации отдельных элементов социосферы (науки и ментальности, в том числе), приобретает решающее значение для выживания человечества. Но в современных условиях осуществление коэволюционного процесса нарушено за счет усиления дезадаптации – рассогласования поведения двух (и более) взаимозависимых и коммуникационно взаимодействующих автономных систем, при котором происходит двустороннее перекодирование поступающей информации, что, делает ее доступной для использования каждым из членов коэволюционирующих пар. Такое рассогласование модусов развития науки и других социальных институтов, как отдельных элементов социосферы, подразумевает:

¹ Переработанный и сокращенный вариант третьего раздела монографии Чешко В.Ф., Кулиниченко В.Л. Наука, этика, политика: социокультурные аспекты современной генетики. – К.: Центр практической философии. — Изд. Парапан, 2004. - 228 с.

² Родин С.Н. Идея коэволюции. - Новосибирск: Наука, 1991. – 271 с.

³ Кордюм В.А. Биоэтика – ее прошлое, настоящее и будущее // Практична філософія. – 2001. – № 3. – С. 4–20.

(1) в функциональном смысле – (a₁) неспособность науки найти приемлемое решение проблем, возникающих в условиях противостояния социально-политических интересов и возможностей достижения определенных целей отдельными сообществами внутри социума; (b₁) разрыв между “научно-техническими возможностями и желанием людей принять на себя моральную и политическую ответственность” за рост научного знания;

(2) в информационном смысле – (a₂) несоответствие между содержанием научных теорий и сложившимися ментальными поведенческими установками и стереотипами, регулирующими отношения членов социума друг с другом и с окружающим миром, и (b₂) между действительным содержанием науки и ее отражением в ментальности.

Преодоление образовавшегося разрыва и составляет сущность современного этапа коэволюции науки и общества. Наш дальнейший анализ этой проблемы основывается на постулате о единстве базовых принципов социально-культурной и генетической эволюции.

Наиболее тесные коэволюционные отношения связывают генетику с естественно-научным и гуманитарным знанием. Влияние теории и методологии современной генетики на концептуально-методологическую базу биологических дисциплин, очевидно, уже является достаточно известным и тривиальным утверждением. Теория зародышевой плазмы А. Вейсмана и представления об онтогенезе и филогенезе как о процессах, связанных с преобразованием наследственной информации, в явном или неявном виде, служат краеугольным камнем любой фундаментальной биологической парадигмы. Вместе с тем, экспансия семантики и синтаксиса генетики явственно прослеживается и в достаточно отдаленных от нее областях, не только естественнонаучной⁴, но и социогуманитарной (философии, культурологии, психологии и т.д.).

В фундаментальном исследовании философии науки В.С. Степина “Теоретическое знание” (2000 г.) эти аспекты современной стадии развития науки (“постнеклассической науки”) обозначены достаточно глубоко и рельефно. Обращает на себя внимание, в частности, анализ многозначного влияния генетики в сфере гуманитарного знания — от межпарадигмальных заимствований и поиска генетической основы механизма генезиса социальных явлений до аналогий и метафор, берущих свое начало в генетической терминологии.

Гипотеза центрального грамматического ядра, выдвинутая американским лингвистом Н. Хомски, предполагает наличие в ментальности каждого человека некоего врожденного набора правил и параметров, общих для всех человеческих языков, преобразования которых и определяют свойства конкретного языка. Дальнейшая эволюция этой концепции еще в большей степени подчеркивает, с одной стороны, ассоциативные корреляции между структурой парадигм лингвистики и классической генетики и, с другой — роль синтаксического или метафорического использования генетической терминологии в качестве несущего каркаса логической конструкции. Для преодоления трудностей, возникающих в процессе доказательства гипотезы врожденного центрального грамматического ядра (или “порождающей грамматики”), был предложен постулат о существовании двухзвенной грамматической системы⁵. Ее первое звено формирует идеальный лингвистический объект — “генотипический язык”, преобразование элементов которого обеспечивает генезис реальных (“фенотипических”) языков.

“Генетические” аналогии и заимствования можно перечислять и далее. Так, в методологии науки известны два подхода к построению научной теории — дедуктивно-аксиоматический и генетически-конструктивистский. Последний из них, пишет В.С. Степин, “сразу делает очевидным существование теоретических схем. Такие схемы (вводимые в теоретическом языке в форме чертежей, снабженных соответствующими разъяснениями, либо через систему высказываний, характеризующих приемы конструирования и основные

⁴ Включая сюда космологию, где нашла свое применение дарвиновская триада — “наследственность, изменчивость, отбор” вселенных, галактик и звезд [Степин В.С. Теоретическое знание. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - С. 658]

⁵ Шаумян С. О структурной лингвистике. - М., 1965. - С. 370-373.

корреляции некоторого набора абстрактных объектов) предстают в качестве основы, обеспечивающей развертывание теоретического знания. Этот подход предполагает оперирование непосредственно абстрактными объектами теории, зафиксированными в соответствующих знаках. Процесс рассуждения в таком случае предстает в форме мысленного эксперимента с предметами, которые взяты как конкретная данность”⁶.

В современной методологии науки нынешняя, постнеклассическая стадия ее развития, характеризуется доминированием глобально-эволюционного подхода, соединяющего в себе два принципа — системного анализа и эволюционного развития, происхождение и развитие которых в значительной мере связаны с биологией и генетикой⁷.

И, наконец, возникшее в постклассической генетике понимание онтогенеза, как развертывание генетической информации и ее трансляция из одной семантической системы в другую, проникнув в социальную философию, породило концепцию программируемого общества, в основе которой лежит представление о существовании “социокода” (по аналогии с генетическим кодом), определяющего природу данного типа цивилизации⁸.

Однако социокультурное влияние генетики не ограничивается пространством собственно естествознания и гуманитарного знания, но и выходит за их пределы — в сферу вненаучной духовной культуры и становится важным формообразующим фактором в эволюции менталитета.

1. Интеграция генетики в духовную культуру современной цивилизации

При очевидных отличиях экстремальных случаев политизации науки в условиях тоталитарных политических режимов (СССР, нацистская Германия) от ситуации, связанной с развитием генетики и генно-манипуляционных технологий в США и Западной Европе, все они имеют несколько общих черт:

- ассоциация содержания конкурирующих научных концепций с идеологией противостоящих политических движений;
- тенденция к расширению административного контроля над распространением научной информации или определенных методов научного исследования, а также над их прикладным использованием;
- расширение значения оценки адекватности научных теорий, экспериментальных фактов и методов исследования не путем стандартных верификационных процедур, а с точки зрения их соответствия интересам определенных политических группировок;
- расширение масштабов проникновения в науку представлений и стереотипов массового сознания, усиление значения внешних стимулов в формировании научных концепций;
- усиление зависимости личной судьбы ученого от содержания его научных взглядов и теорий.

Мы позволим себе сделать вывод о том, что описанные выше политические конфликты и кризисы, в которых генетика оказалась вовлеченной в политическую борьбу, не однозначно порождены и связаны с локальной социально-исторической ситуацией, возникшей в Соединенных Штатах, бывшем Советском Союзе или нацистской Германии. Скорее, их можно считать экстремальными случаями девиаций общих механизмов социального гомеостаза, резким нарушением отношений между отдельными социальными институтами.

Коммерциализация науки (и ее гомолог в рыночной экономике — “превращение науки в непосредственную производительную силу”) и усиление прямого формообразующего влияния естествознания на ментальные стереотипы и элементы духовной

⁶Степин В.С. Теоретическое знание. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁷ Там же. - С. 641.

⁸ Там же. - С. 23, 605.

культуры, очевидно можно рассматривать как глобальную характеристику эволюции Социума в XX веке.

Влияние этих двух компонентов на историю генетики прослеживаются достаточно отчетливо и рельефно — в силу специфики предмета исследования и фундаментальности теоретических концепций, имеющих прямое отношение к биологической природе человека. Столь же отчетливы последствия их непосредственного применения на уровне мотивационных стимулов социальных действий:

1. стремление взять под контроль проведение научных исследований, вызывающих значительный общественный резонанс;
2. растущая вероятность превращения научных фактов и теорий в орудия политической борьбы;
3. и, следовательно, осознанное или неосознанное желание реконструировать науку (в нашем случае, — генетику), соответственно собственным интересам (экономическим, политическим и прочим).

Российский философ П.Д. Тищенко утверждал: “Коммерциализация проекта “Геном человека” несет опасность основополагающей научной ценности — принципу объективности научного знания. Можно без сомнения считать, — продолжал он с налетом некоторой неакадемической эмоциональности (впрочем, соответствующей, остроте социальной проблемы), — что основную угрозу принципу объективности, как моральному и гносеологическому снованию науки, представляют в современной России не сталинская диалектика и “марксистская” идеология, а материальная необеспеченность научной деятельности, захлестывающая волна коммерциализации и рыночной конъюнктуры”⁹.

В этих условиях отечественный исторический опыт, как и опыт евгенического движения в нацистской Германии (пусть даже и негативный), приобретают особую актуальность и ценность, теряя при этом положение уникальных исторических феноменов, интересных только для историков.

Общая причина кризиса: политическая составляющая научных исследований в конкретных областях науки, внезапно (но только на первый взгляд) и стремительно приобретает значение одного из важных (если не решающего) факторов развития социально-экономической ситуации и сохранения сложившейся политической организации общества. Начинается лавинообразно нарастающий процесс усиливающегося политического прессинга, в конечном итоге приводящий к эрозии и перерождению науки как социального института или, по крайней мере, к увеличению зависимости скорости и направления развития науки, в первую очередь, от решений, принимаемых властными структурами. Но все это, как правило, подготавливается предшествующими скрытыми или явными изменениями менталитета, столкновением сложившихся, внутренних поведенческих стереотипов. Иными словами, такие конфликты можно рассматривать и в контексте анализа процесса интеграции науки в духовную жизнь современной цивилизации, от скорости и стабильности которого зависит историческая стабильность и способность к адаптации конкретного социума.

Эволюция науки служит мощным фактором изменений материальной и духовной жизни человечества, действие которого сопровождается социально-политическими и ментальными коллизиями. Можно сказать, что ускоренное развитие науки, быстрое увеличение “генофонда” идей, циркулирующих в общественном сознании в данный исторический период, влечет за собой своеобразный “мутационный взрыв” — перестройку системы духовной культуры и ментальности — и становится причиной резкого увеличения темпов социально-исторических преобразований¹⁰.

⁹ Тищенко П.Д. Философские аспекты международного проекта “Геном человека” // Высокие технологии и современная цивилизация. (Материалы научной конференции). — М., 1998.

¹⁰ Биологический аналог — “квантовая эволюция” Дж. Симпсона. В целом, фаза дестабилизации — мутационный взрыв носит адаптивный характер, поскольку она эволюционирующей группе предоставляет шанс приспособиться и выжить в условиях резкого изменения условий существования.

2. Генетический редукционизм как феномен ментальности и как философско-антропологическая традиция

Генезис генетического редукционизма изучен достаточно глубоко. На доктринальном уровне он основывается на представлениях о преддетерминации особенностей человеческого индивидуума, его социальной роли и личной судьбы. Коллизия этого архетипа как ментальной установки и отражающей его соответствующей идеи с доктриной политического эгалитаризма является одним из наиболее фундаментальных внутренних конфликтов современной западной цивилизации, в системе современных ценностных приоритетов которой первое место занимают политическое равноправие и естественные права человека. Ответная социально-психологическая реакция (“общественное мнение”) на прогресс генетики и генных технологий формулируется в терминах индивидуальной свободы и ее юридического обеспечения¹¹.

2.1. Ментальные предпосылки. Составным элементом архаичного сознания первобытного человека был определенный ментальный стереотип — вера в неразрывность связи, соединяющей всех членов рода в единое целое и превращающей индивидуум в элемент единого организма общины. Кровное единство (передающееся по материнской линии) составляло основу такой связи, благодаря которой каждый человек воспринимал свою жизнь и судьбу как “предопределенное еще до его рождения, почти автоматическое перемещение по ступеням общинной социальной возрастной иерархии”¹². Ключевым понятием архаичного менталитета был “первопредок”. А.Е. Лукьянов писал, что “обобщающая сущность природно-родового первопредка во всей полноте распространялась на каждого индивидуума и вещь и индивидуализировалась в них”¹³. Эту особенность менталитета, наиболее ярко отраженную в первых философских концепциях Древнего Китая и Индии, автор назвал субстанционально-генетическим принципом. В согласии с этим принципом, существование и развитие любого объекта окружающего материального мира, целостность любого члена родовой общности определяется неким протоначалом, сущность которого воссоздается в следующих друг за другом, воспроизводящих род, биосоциальных циклах. Это еще не генетический детерминизм в современном значении этого слова, — в силу отсутствия понимания жесткой границы между человеком и окружающей природой. Из одного и того же, постоянно преобразующегося божественного (как правило, изначально сочетающего в себе мужское и женское начало) источника, берут свое начало различные вещи и существа¹⁴.

Однако аналогия между теоретической базой современной генетики, архаичным сознанием и протофилософскими конструкциями древнего мира можно провести и далее и не только в эволюционном, но и в методологическом аспектах (например, отсутствие в ментальности жесткой границы между Человеком и Вселенной). А.Е. Лукьянов, характеризуя мировоззренческую модель Космоса древнекитайского трактата “И цзин” (“Нить перемен”) пишет: “В “И цзин” создается вселенский *генотип* (выделено авт.), по которому каждый элемент природно-социального космоса по своей субстанциональной основе есть природная вещь, первопредок и человек. Эта совокупность таит в себе генетическую возможность телесного и духовного перерождения одного элемента во всякий другой”. Приведенный отрывок представляет интерес не только с точки зрения эволюционных истоков современных генетических концепций и их отражений в массовом сознании. Цитируемая конструкция не могла бы появиться (не только как формально-терминологическое совпадение, но и по явной переключке менделевской комбинаторики, с

¹¹ Appleyard B. Brave New Words: Genetics and the Human Experience. London: Harper Collins, 1998.-188 р.

¹² Иорданский В.Б. Хаос и гармония. - М.: Наука, 1982.- С. 255 и далее

¹³ Лукьянов А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). - М.: Ун-т дружбы народов, 1989. - 186 с.

¹⁴ Там же. - С. 18.

одной стороны, и философской интерпретации текста трактата, с другой) до интеграции менделевской концепции в менталитет, пролиферации, вrastания менделизма в фактуально-смысловую континуум социогуманитарного знания. Методология “Книги перемен” подразумевает наличие соответствия между множеством гексаграмм “Книги перемен” и множеством ситуаций бытия, в основе которого лежит взаимодействие вселенских мужского и женского начал — Ян и Инь. Интерпретация А.Е. Лукьянова, как легко заметить, основана на постулируемом со времени В. Иоганзена соответствии между комбинациями отдельных наследственных детерминантов (генов) и соответствующих совокупностей признаков организма (фенов), т.е. генотипом и фенотипом. В современной геномике это соответствие матриц отдельных множеств получает интерпретацию в терминах теории информации.

2.2. Философская антропология и теория познания. Переход идеи предопределения социального поведения человека в фазу формирования доктрин произошел, как мы указали, в период античности. Как формирование, так и формы последующего развития этой доктрины достаточно четко прослеживаются в творчестве многих политических философов и идеологов прошлого.

Первая натурфилософская гипотеза, связывающая природу и особенности человеческого мышления с его наследственностью, принадлежит, очевидно, Платону. Он полагал, в согласии с пифагорейским учением о метасихозе, что знание изначально имплицитно заложено в каждой душе и переходит в латентное состояние с началом каждого цикла ее бесконечных воплощений. Платон утверждал, что процесс познания, есть проявление, кристаллизация (если воспользоваться современными аналогиями) содержания врожденных идей, которое он сравнивал с переходом из темной пещеры, где человеку доступны лишь неясные тени реальных объектов, на яркий солнечный свет¹⁵. Вторая платоновская идея, содержательно явно перекликается с современными генетико-редукционистскими воззрениями. Она относится к его программе формирования правящей элиты идеального государства. Можно сказать, что его предложение распространить на человека методы и приемы, используемые в отношении домашних животных, в особенности, к сторожевым собакам, ставит этого античного мыслителя первым в ряду предшественников Фр. Гальтона. Обычай инфантицида — умертвления слабых и больных детей, принятый в Спарте, кажется Платону вполне оправданным с государственной точки зрения. Другой типично “евгенической” мерой была государственная регуляция деторождения, в особенности, оптимального времени образования супружеских пар. Он считал, что смешение наследственных задатков различных сословий (которые он уподоблял благородным и неблагородным металлам) ведет к рождению потомков с худшими качествами¹⁶.

Представитель следующего поколения античных философов — Аристотель, противопоставляя свое учение учению Платона, акцентировал значение компонентов человеческого интеллекта, приобретенных в ходе индивидуальной жизни. У него врожденной является способность к мышлению, но не само мышление. Если символом восходящей к Платону натурфилософской традиции, продолженной Р. Декартом и Г.В. Лейбницем, можно считать выражение “врожденные идеи”, то в истории дальнейшего развития альтернативной, аристотелевской доктрины (Т. Гоббс, Дж. Локк, К. Гельвеций, Ж. Ламетри) ту же роль выполняет сравнение младенческого сознания человека с “чистой доской”.

Вместе с тем, если у Платона источник врожденных идей индивида имел трансцендентный характер, то у Р. Декарта и Г.В. Лейбница врожденность уже понимается как характеристика субъекта, как наследственная предрасположенность к появлению определенных понятий и аксиом при соблюдении определенных условий. Это объясняется, видимо, очевидным влиянием на философские воззрения Г.В. Лейбница предшествующих биологических открытий и созданных на их основе фундаментальных методологических

¹⁵ Платон. Сочинения. - В 4-х т. - М.: Мысль, 1994.- Т. 3.

¹⁶ См., подробнее: Поппер К. Открытое общество и его враги. - В 2-х т. - М.: Феникс, 1992. Т.1. - С. 233 – 282.

обобщений, и, прежде всего, открытия А. Левенгуком сперматозоидов, интерпретированное с позиций преформизма. Врожденные идеи в понимании Г.В. Лейбница — это потенции человеческого мышления, “преформация, которая определяет и, благодаря, которой эти истины могут быть извлечены из нее”. Актуализация этой потенции происходит под влиянием внешнего воздействия — “подобно разнице между фигурами, произвольно высекаемыми из камня или мрамора и фигурами, которые прожилками мрамора уже обозначены или предрасположены обозначиться, если ваятель воспользуется ими”.

В творчестве ряда мыслителей (в частности, Т. Гоббса и Дж. Локка) концепция “чистой доски” явно ассоциирована с политическими позициями авторов.

2.3. Социология и философия истории. Здесь необходимо коснуться еще одного вопроса — о соотношении генетического редуционизма и различных расовых теорий, исходящих, тем или иным образом, из принципа неравенства этнических общностей. Этот принцип, в свою очередь, обосновывается их биологической неравнозначностью. Понятие генетической предрасположенности имеет две стороны — индивидуальные и групповые наследственные различия.

Постулаты о расовой, этнической или социально-классовой неравнозначности исходят из предположения, что соответствующие различия внутри выделяемых общностей, существенно отличаются от различий между отдельными общностями — будь-то расы, народности или социальные классы. В этом случае наследственно обусловленными оказываются уже не судьбы отдельных индивидуумов, а социальные статусы их как элементов социальных или этнических групп значительно более высокого ранга. Ницше не был автором этих идей, хотя в обыденном (либо специфически идеологизированном) сознании они напрямую связываются именно с ним. Историки же связывают генезис лежащей в их основе ментальности с эмоциональным и психологическим шоком, полученным европейцами в результате столкновения с иными цивилизациями в эпоху великих географических открытий XV века. В XIX веке основателями и пропагандистами концепций расово-антропологической школы стали: французские антропологи Жозеф Артюр де Гобино и Жорж Ваше де Ляпуж и немецкий — Отто Аммон. Основные положения расовой теории: (а) биологическая и культурная неравноценность отдельных человеческих рас, в силу которой их относительный вклад в развитие цивилизации не сопоставим друг с другом; и (в) неизбежность вырождения и утраты, определяющих социокультурных функций и ролей в случае разрушения наследственной чистоты расы-лидера. Выражение “белокурый зверь” (*blond bestia*) предложил, натурализовавшийся в конце XIX века в Германии, английский культуролог Хьюстон Стюарт Чемберлен. При помощи этого термина он обозначил наследственно обусловленный арийский расовый тип, воплощающий в себе естественную витальность, которой, по его мнению, обязана своим существованием современная Западная цивилизация¹⁷. Эта эффектная, легко запоминающаяся метафора в массовом сознании стала неразрывно ассоциироваться с идеями Ф. Ницше, образовав единую лексическую триаду с ницшеанским — “сверхчеловек, стоящий по ту сторону Добра и Зла”.

Установки генетического редуционизма нашли свое воплощение и в социологических теориях. В начале XX века Вернер Зомбарт применил эту методологию для анализа генезиса современной ему стадии буржуазно-капиталистической цивилизации. Человек средневековья (XII — XIV века) не проявлял особой заинтересованности в накоплении денежных средств: “сколько человек расходовал, столько он и должен был заприходовать”. Произошедший затем в XV веке перелом, прежде всего во Флоренции и других областях

¹⁷ Отметим, что утвердившийся в русскоязычной литературе перевод — “белокурая бестия” создает совершенно иную эмоциональную и смысловую окраску, по сравнению с западноевропейскими языками, поскольку в русском языке слово “бестия” является синонимом словосочетания “мелкий мошенник”. Этот “криминальный” оттенок совершенно не соответствует изначальному замыслу — подчеркнуть стихийную жизненную силу арийцев, утрачиваемую ею в результате смешения с “низшими расами”.

Италии, был обусловлен, по его мнению, не столько религиозными или экономическими трансформациями, т.е. действием социальной среды, сколько наличием биологической предрасположенности, “унаследованной от предков”. Он считал, что существуют личности двух типов: “предприниматели” люди - более приспособленные к капиталистической экономике, завоеватели по натуре, первооткрыватели, склонные к рискованным предприятиям, основатели капитализма и “торгаши” (“мещане”). Существование этих типов личности, как в индивидуальном, так и в групповом отношении, предопределено генетически и представлено двумя формами альтернативного поведения. Наследственность играет определяющую роль и в судьбе конкретных индивидуумов — В. Зомбарт пишет о наследственной предрасположенности Дж. Рокфеллера, который вел книгу расходов с детских лет. Байрону же, будущему лорду, даже мысль об этом показалась бы безумием. В. Зомбарт считает возможным даже говорить о народах “со слабой предрасположенностью к капитализму” (готы, кельты, испанские иберы), народах — героях и предпринимателях (римляне, норманны, англичане и французы) и народах — торговцах, купцах (флорентийцы, евреи, жители равнинной Шотландии). Идея типологической обусловленности ценностной ориентации человеческой личности, ее предрасположенности к той или иной форме деятельности была впоследствии развита Э. Шпрангером в теории форм жизни — “основных, идеальных типах индивидуальности” (теоретик, человек экономический, эстет, общественник, человек, опирающийся на силу, религиозный человек), как основных исходных биологических феноменах любой культуры.

Итак, генетический редукционизм (вместе с предшествующей ему идеей наследственной, формально-содержательной детерминации интеллектуальной деятельности человека, его социального поведения и статуса) оставляет достаточно значимый след в социологии, философской традиции (теории познания, философии истории, философской антропологии) и др. в качестве методологического похода и механизма интерпретации на всех уровнях организации социальной жизни — индивидуальном, социально-групповом, этническом и глобально-историческом. Эта же тенденция сохраняется и в XX веке.

Наиболее глобальным подходом к осмыслению роли и отношений генетики и социологии, безусловно, характеризуется творческое наследие Льва Гумилева. В его взглядах сплетены в один узел глобально-экологический (точнее даже — космоэкологический), генетический и культурно-исторический подходы. По представлениям Л.Н. Гумилева, особенности физических характеристик космической среды, в которую циклически попадает наша планета, вызывают вспышки мутагенеза, приводящие к резкому увеличению в популяции частоты появления “пассионариев” — носителей особой рецессивной мутации, обеспечивающей отличное от обычных поведение и поступки, и заставляющей таких индивидуумов поступать вопреки инстинкту самосохранения¹⁸. Главная идея Л. Гумилева — в результате такого “пассионарного толчка” инициируется новый цикл развития конкретного этноса, накладывающийся на ход мировой истории и изменяющий его¹⁹. Если добавить к этому яркую метафоричность изложения и стремление к универсализации и глобализации излагаемых положений и идей, а также всеобщность охвата объясняемых фактов, то становится, очевидно, что речь, безусловно, идет о новой попытке осмысления места человека и человечества во Вселенной, а не просто новым объяснением общих причин возвышения и упадка отдельных социумов и народов. Именно в силу этого и, несмотря на развернутую эмпирическую аргументацию, теория этногенеза, впервые опубликованная Л.Н. Гумилевым в 1979 году и вызвавшая ожесточенную полемику, прежде всего — философско-антропологическая система, и лишь затем — конкретно-научная гипотеза.

2.4. Политология. В связи с вышеизложенным не вызывает удивления, что в творчестве многих политических деятелей Возрождения и Нового Времени достаточно часто

¹⁸ Этнос с генетической точки зрения, по представлениям Л.Н. Гумилева, есть мономорфная по своим важнейшим наследственным признакам популяция.

¹⁹ Гумилев Л.Н. Этногенз и биосфера Земли. - Л.: Гидрометеиздат, 1990. - 528 с.

присутствуют структурные элементы представлений о “естественном”, наследственном неравенстве, а также защищается возможность и допустимость вмешательства в процесс деторождения и отбора “в интересах государства, общества” и т.п.

В “Городе Солнца” Т. Кампанелла, развивший платоновскую традицию, в качестве одного из постулатов построения государства на принципах социальной справедливости провозгласил “устранение родительских связей”. Городом управляет наиболее одаренная, наделенная выдающимися способностями и освоившая наибольший объем знаний, научная элита. К числу основных обязанностей одного из помощников верховного правителя (“Солнца”), ведающего вопросами питания, деторождения и воспитания, относится подбор наиболее удачных родительских пар (моногамной семьи в Городе не существует); определение времени зачатия и рождения, обеспечивающее оптимальные качества потомков и т.п.

Из более поздних исторических фигур необходимо упомянуть одного из отцов-основателей США, автора “Декларации независимости” Томаса Джефферсона, во взглядах которого либерально-демократический политический радикализм сопутствовал представлениям о биологически обусловленном неравенстве “белых” и “черных” рас. Основываясь на своих наблюдениях, он констатирует, что “черные” не уступают “белым” в отношении памяти, но обладают значительно меньшим потенциалом развития способности к абстрактному мышлению, воображению, художественным способностям (за исключением музыкальных). По всей видимости, он предполагал, что эти различия детерминированы, прежде всего, биологическими особенностями расы, а не социальными условиями существования и ссылался при этом на большую художественную одаренность индейцев (по сравнению с неграми), хотя их уровень жизни сильно уступал “белым”. Из этого Джефферсон сделал биологический вывод о нежелательности смешения рас, а вслед за ним и политический — о нецелесообразности после отмены рабства предоставления неграм - бывшим рабам, равных с белыми гражданских прав, предлагая вместо этого их высылку в качестве колонистов на свободные земли.

2.5. Экспериментальное естествознание. Формирование конкретно-научной парадигмы на базе концепции биологического редуционизма было катализировано выходом в свет дарвиновского “Происхождения видов” и последующей экспансией эволюционизма. Оно завершается, в основном, в 70-90-е годы XIX века, подведением в работах Ч. Ломброзо и Ф. Гальтона эмпирического фундамента под постулат о наследовании таких признаков как криминальное поведение и уровень интеллекта.

Необходимым шагом стал перевод проблемы на язык теоретического естествознания: разработка биологических эквивалентов философских и гуманитарных категорий, освобождение их от идеологической и политической нагрузки. Однако, продолжение обсуждения темы “гений и злодейство” в биологии и медицине конца XIX-XX веков не оправдало надежд на создание целиком независимого от этических, политических и т.п. влияний представления о соотношении роли наследственности и среды в формировании человеческой личности. В трактовке проблемы биологических основ развития интеллекта и социального поведения наметилось столкновение двух установок

С одной стороны, дарвиновский постулат об эволюционном родстве человека и животных подкрепил идею о прогрессирующем возрастании в ходе биологической эволюции интеллектуальных способностей человечества в будущем. В таком варианте, гениальность как свойство способствует увеличению приспособленности человека, служит интересам социокультурной эволюции, а, значит, и выживания *Homo sapiens*, благоприятствует интересам всего общества. Этот вывод, кстати, перекликается с философскими идеями немецкого романтизма²⁰.

Но был другой аспект проблемы гениальности: медицина констатировала психическую

²⁰ Влияние романтизма прослеживается в известном высказывании Н.В. Гоголя, находившегося под заметным влиянием Иоганна Гердера, что Пушкин — это русский человек, каким он станет спустя несколько столетий.

и психофизиологическую неустойчивость, неприспособленность гениальных людей, которая, как ни странно на первый взгляд, уравнивает их с представителями противоположного социального полюса. В психиатрии второй половины XIX века начинает доминировать теория вырождения, постулировавшая постепенное накопление наследуемых психических и физических отклонений, как в пределах отдельных генеалогических ветвей, так и в глобальном масштабе.

3. Потенциальная возможность локально-географической и социокультурной дивергенции

В отличие от кризиса науки при тоталитаризме именно миграция генно-инженерных исследований из государственного или общенационального сектора, финансирующего развитие науки, в частнопредпринимательский играет пока основную (но не исключительную) роль. В этом более демократическом секторе центр тяжести их приложения смещается от использования генно-инженерных технологий в качестве инструмента решения фундаментальных проблем в сторону прикладных разработок, в первую очередь, связанных с усовершенствованием методики искусственного оплодотворения²¹.

Впрочем, наличествует также и “географическая” составляющая, тесно связанная с экономической. Социальное давление на развитие генетической инженерии и биотехнологии в Западной Европе и США в последнее десятилетие XX века приобрело отчетливый разнонаправленный характер, позволяющий сделать некоторые предположения относительно потенциальной возможности дихотомии дальнейшего развития обеих отраслей в этих регионах. По сравнению с США, реакция общественного мнения, ментальные установки и политико-правовое регулирование генетической инженерии в Европейском сообществе носит более жесткий и негативно-запретительный характер. Критерии оценки последствий потенциального риска генетических манипуляций, согласно социологическим опросам, вырабатываются, в основном, экологией, этическими или религиозными концепциями и напрямую связываются с возможностью актуализации евгенических программ. В конце XX века в США до 70% потребителей считали вполне приемлемым создание и поступление на рынок продуктов питания, созданных на основе генно-инженерных технологий. В странах Евросоюза этот показатель составляет только 30-50%. Обозреватели и эксперты отмечают, что при сходстве основных целевых установок защитников и противников генетической инженерии в различных странах именно в США лобби биотехнологических компаний имеют гораздо более прочные позиции. В Европе тоже можно сказать и о политическом и социально-психологическом давлении экологических движений и организаций (“партия зеленых”, движения “Green peace” и т.п.). Среди стран Западной Европы четко отслеживается определенная градация негативистской реакции на развитие генно-инженерных технологий: от минимальной в Италии и до максимальной выраженной в Германии и Дании (где движение “зеленых” приобрело наибольшие масштабы)²². В итоговом докладе исследовательской группы Европейского Сообщества, посвященном этическим и философским проблемам генной диагностики, отмечается, что при обсуждении возможностей и условий реализации программ массового скрининга (выявления носителей) различных наследственных дефектов возникли трудности в Германии и Австрии. Они, в первую очередь, связаны с определением понятий “медицинская норма” и “отклонение от нормы”, а также распространением в широких кругах общественности опасений о возможных нарушениях прав человека. О серьезности социально-

²¹ Eiseman E. Views of Scientific Societies and Professional Associations on Human Nuclear Transfer Cloning Research /Cloning human being. Report and Recommendations of the National Bioethics Advisory Commission Rockville (Maryland), 1997. - P. C21.

²² Macer D.R.J. Shaping Genes: Ethics, Law and Science of Using New Genetic Technology in Medicine and Agriculture. Christchurch: EUBIOS, 1990. - P. 36-43.

психологического противостояния и сопротивления свидетельствуют популярность в ряде стран тезиса о “праве на аномальность”. В соответствии с ним, отклонение от статистической нормы может иметь позитивное социальное значение, а носители таких дефектов могут рассматриваться как здоровые люди (в границах того образа жизни, который обеспечивает их выживание).

В приведенных случаях альтернативно-негативное восприятие перспектив развития фундаментальной и прикладной генетики конституировал синтез двух социальных факторов — исторического опыта, связанного с актуализацией евгенической нацистской программы (“память Аушвица”) и культурно-философской традиции. Менталитет и культура западноевропейских стран за последние 100 лет испытывали сильное влияние философских систем, эволюционировавших в направлении признания жизни первичной реальностью и противопоставляющих ее универсальность разделению бытия и сознания. Наиболее последовательно этот постулат проводится в “философии жизни”, оказавшей доминирующее влияние на формирование современной европейской экологической философии, прежде всего, доктрины социальной ответственности Г. Йонаса.

Интересные и убедительные примеры обнаруживаются и в отечественной истории. Так, негативистское восприятие первых сообщений о практических мерах по “оздоровлению” генофонда в США оказалось доминирующей реакцией политически активной части интеллигенции предреволюционной России. Скорее всего, представители этого социально активного слоя, исходя из собственного опыта жизни в условиях централизованного бюрократического государства (с характерным для него низким приоритетом индивидуальной свободы), остро почувствовали потенциальную опасность евгенических мероприятий.

Осознание интегрированности человека в глобальную экологическую систему биосферы стало таким узлом, где пересекаются восприятие глобальных последствий развития генетики с точки зрения создания новых сортов, пород, штаммов организмов, продуктов питания, физиологически активных веществ и предметов потребления, с одной стороны, и возможностей произвольных и случайных генетических манипуляций с геномом человека, с другой. В качестве ответной реакции предлагается “пределный переход”, трансформация функций внешнего ограничения, присущих классическим этическим ценностям и нормам, которые канализируют научные исследования и их технологическое использование в имманентные факторы, определяющие внутренние причины и характер дальнейшего развития фундаментальной науки и технологических разработок.

Противоположный, основанный на идеологии протестантизма, менталитет США в значительной мере ориентирован на технологический детерминизм, проистекающий из способности социальных институтов (фундаментальной и прикладной науки, в частности) к саморегуляции, и метаморфозу своих основополагающих концепций в соответствии с новыми общественными реалиями. Стратегия создания государственно-правовой системы регулирования развития генетической инженерии в США, в большей степени ориентирована на примат индивидуальной свободы человека, чем на принцип коллективной ответственности человечества.

Указанная контроверза двух доктрин достаточно глубоко проникла в массовое сознание, определяя направление деятельности политической элиты. В результате, контроверзы исходных постулатов двух философско-методологических подходов (символами которых можно считать концепции “социальной ответственности” Г. Йонаса и “третьей технологической волны” Э. Тоффлера) обусловили появление альтернативных политических стратегий в отношении социального контроля генно-инженерных исследований: представляют ли они социальную угрозу или они лишь антигуманные варианты использования, созданных на их основе, биотехнологических разработок?

Вторая методологическая коллизия заключается в альтернативной интерпретации негативистских, зачастую, не мотивированных рациональным образом социально-психологических реакций на прогресс генетической инженерии. В концепции Э. Тоффлера

они могут истолковываться как внешние симптомы инадаптивного ответа на техногенные социальные изменения. В западноевропейской экологической философии страх перед возможностью вторжения генетических манипуляций в повседневную жизнь считается проявлением социальной адаптации, сигналом возрастающей сложности и потенциальной опасности систем, используемых человечеством. Восприятие социальных последствий развития науки и новых технологий приобретает онтологическое значение, становится эвристическим инструментом футурологического прогноза.

Особый интерес представляет анализ разнообразных, циркулирующих в средствах массовой информации и уже становящихся элементом ментальности, мифов относительно риска использования генных технологий. Несомненно, что в большинстве случаев они есть прямое следствие экономической конкуренции и политического соперничества. И все же, это только первый, видимый результат, полученный в результате исследования социальных причин, породивших подобные мифы. Скрытый от непосредственного наблюдения, более глубокий слой оказывается связан, прежде всего, с долговременными прогностическими возможностями “эвристики страха”. В.С. Степин, например, приходит к выводу, что соблазн “планомерного” генетического совершенствования природой созданного “антропологического материала”, приспособления его к новым социальным нагрузкам чреват необратимым разрывом целостности истории человеческой цивилизации. Для разумных существ, которые возникают в ходе генетико-социальной революции (даже и планомерной), “уже не имеют смысла ни Байрон, ни Шекспир, ни Пушкин, для них выпадут целые пласты человеческой культуры. Биологические предпосылки — это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выростала человеческая культура, и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности”²³.

Таким образом, столкновение двух рассмотренных нами стратегий имеет определяющее влияние на последующее взаимодействие генетики и социально-политических систем как определяющего фактора социокультурного развития современного мира.

В целом же, предпосылки культурно-географической дивергенции социально-психологической реакции на развитие генетики и генной технологии (как и на развитие науки и технологии вообще) по глубине их формирования и, соответственно, силе воздействия можно отнести к нескольким уровням ментальности:

1. наиболее поверхностный, в значительной мере стохастический, слой ментальности определяется совместным (и случайным в историческом плане), сочетанным и одновременным взаимодействием многих факторов, немаловажное значение, среди которых принадлежит, например, отдельными выдающимся личностям;
2. второй слой составляют элементы менталитета, возникшие под влиянием исторического опыта и культурно-философской традиции нескольких поколений, совместно действующих в течение жизни;
3. и, наконец, последний, наиболее глубинный слой ментальности составляют элементы “центрального ядра” духовной культуры, определяющие восприятие человеком своего места в Универсуме и Социуме. Этот слой обосновывается специфической для данной цивилизации системой этических категорий и шкалой ценностных приоритетов.

Отличия и особенности менталитета Запада и Востока обуславливают и различную реакцию на развитие генетики. Реализация евгенических программ послужила толчком для развития серьезных социально-политических коллизий на Западе, но эти же программы не встретили серьезного сопротивления на Востоке. В настоящее время законы, предусматривающие регулирование “репродуктивного выбора, действуют в коммунистическом Китае и на Тайване, а в Японии, ориентированной на западные политические стандарты, они существовали с 1948 года по 1996 год.

Возникновение биоэтики, как социокультурного феномена последней трети XX века, принято рассматривать как ответ Западной цивилизации на вызов, который был брошен

²³ Степин В.С. Теоретическое знание. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 743 с.

антропогенетикой, биомедициной и генной инженерией ключевой в Западном мышлении доктрине “естественных прав человека”. Между тем, японский исследователь Хиакудаи Сакамото уже в самом начале своего анализа возможных философских, социальных и этических последствий обретения человеком способности реально контролировать собственную биологическую эволюцию²⁴, заявляет в акцентировано рационалистической, безэмоциональной форме: “Я рассмотрю природу современного Европейского гуманизма — человеческое достоинство и фундаментальные права человека, который сформировал философию современной культуры и современного общества, и я приведу обоснования вывода, что мы должны освободиться (*abolish*) от существенной части современного гуманизма и на пороге нового тысячелетия вновь разработать некую альтернативную философию”, базисным понятием которой будут уже не индивидуальные права человека, а гармония между личностью и обществом — ключевое в мировоззрении Востока²⁵.

“Евгенические статьи” медицинского законодательства, принятого в Китайской Народной Республике, оцениваются западными экспертами и китайскими медиками и официальными лицами с диаметрально противоположных позиций: в первом случае (Запад) акцент ставится на соблюдении свободного репродуктивного выбора, во втором же (Восток) — на экономической и социальной целесообразности, на особенностях культуры и менталитета. Конфуцианство и буддистская традиция утвердили ментальный стереотип, рассматривающий врожденные отклонения как наказание за отклонения от добродетельного образа жизни, в том числе, и в предыдущих материальных воплощениях. Отсюда неприязненное отношение к новорожденным, страдающим наследственными болезнями, и распространенность инфантицида. Известный российский синолог Л.С. Васильев указывает, что характерные для китайского менталитета установки социальных обязательств в сфере реализации в системе “личность—общество” концептуально воплощены в трех принципах:

- социальной гармонии (сбалансированное сочетание строгой социальной иерархии и эгалитаризма, понимаемого как равенство социальных статусов и социальных обязательств людей);
- соответствия социально-поведенческому эталону;
- самоусовершенствования²⁶.

Известный российский востоковед Н.А. Конрад указывал: “Конфуций настаивал на том, что человек живет и действует в организованном коллективе — обществе, государстве. Эта организованность достигается подчинением определенным правилам — нормам общественной жизни, выработанным самим человечеством в процессе развития цивилизации. Лао-цзы²⁷ придерживался противоположной концепции — все бедствия человечества, все пороки общества и личности проистекают именно из этих самых правил; их должно заменить следование человека его естественной природе”²⁸. Таким образом, двумя стереотипами ментальности Восточного Китая стали: с одной стороны, жесткая структурализация и формализация поведения человека, а с другой — стремление к “просветлению”, в результате которого поведение человека детерминируется его собственной природой, освобожденной от внешних влияний — социальных условностей,

²⁴ Думается, что корректнее было бы говорить о технической возможности **влиять** на течение собственной эволюции в соответствии со своими представлениями о ее желательном результате. Отсюда до способности действительно **контролировать** непосредственные и отдаленные последствия такого вмешательства еще очень далеко.

²⁵ Nyakudai Sakamoto. The Human Genome and Human Control of Natural Evolution // Перший Національний Конгрес з Біоетики, 17-20 вересня 2001 р. Тези доп. - Київ, 2001. - С. 5.

²⁶ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). - М.: Наука, 1989. - С. 254-261.

²⁷ Основатель учения о дао.

²⁸ Цит. по: Абаев Н.А., Нестеркин С.П. Человек и природа в чаньской (дзенской) культуре: некоторые философско-психологические аспекты взаимодействия // Проблема человека в традиционных китайских учениях. - М.: Наука, 1983. - С.57-72.

приличий, благопристойности²⁹. Социально-культурные следствия конфуцианства и дзен-буддизма оказались сопряженными и согласованными. Конфуцианство учит, что общество и государственная власть каждому индивидууму должны определить социальную роль, соответствующую его природе. В дзен-буддизме спонтанность “просветленного” человеческого поведения является результатом восстановления исходной многозначности психических функций, что, в конечном счете, делает индивидуума более управляемым, прогнозируемым. Результатом распространения и усвоения на Востоке того и другого мировоззрения становится более устойчивая и гомеостатическая организации коммуникаций “личность—социум”.

По мнению ряда российских экспертов, преимущество восточного буддистского понимания взаимоотношений личности и общества заключается в том, что “на обслуживание (а, в значительной мере, и на формирование — авт.) так ориентированной личности все в большей мере настраивается нынешний научно-технический прогресс”³⁰. Основными причинами этого являются разочарование в социальном конструктивизме и стремление минимизировать внешние социальные влияния на естественный, спонтанный процесс становления личности. Нам представляется, что такая направленность трансформации мышления Запада сближает его с восточным, не снижая при этом высокого статуса приоритета индивидуальной свободы. Ценность человеческой личности в такой системе определяется ее интегрированностью в социальную ролевую структуру и следованием эталонному поведенческому стереотипу.

Поступила в редколлегию 27.03.2004 г.

© Чешко В.Ф., Кулиниченко В.Л.

²⁹ Там же.

³⁰ Круглый стол журналов "Вопросы философии" и "Науковедение" // Вопросы философии. - 2001. - № 1. - С. 7.